

# МУЗЫКА ЗВУЧАЩЕГО СЛОВА

Имя заслуженного артиста РСФСР Владимира Ларионова не нуждается в особой рекомендации. Среди ленинградских мастеров художественного слова он — один из самых популярных. Ларионова приходят слушать даже те, кто обычно предпочитает общаться с литературным произведением наедине, с глазу на глаз.

Часто, во всяком случае, чем других поэтов, В. Ларионов читает Александра Блока. Такие шедевры поэзии Блока, как «Возмездие», «Пляски смерти», являются в то же время и вершинами исполнительского мастерства В. Ларионова.

Маяковский как-то заметил, что «в каждом стихе сотни тончайших... действующих особенностей, никем, кроме самого мастера, и ничем, кроме голоса, не передаваемых». Нам не довелось слышать чтение стихов Блока самим автором. Но если исходить из свидетельств мемуаристов, метод чтения Ларионова в чем-то близок к блоковскому. Исполнитель идет от мысли поэта, но при этом он весь остается во власти музыки стиха, его ритма. Это равновесие, весьма трудно и весьма редко достигаемое, в конечном счете и определяет своеобразие исполнительской манеры Ларионова, ее очарование.

Искусство художественного слова где-то близко соприкасается с актерским искусством. Как известно, бывают актеры характерные, всегда стремящиеся к максимальному перевоплощению. Но наряду с ними существуют актеры другого плана, индивидуальность которых словно просвечивает сквозь создаваемые ими образы. То же самое можно сказать и о чтецах.

Искусство Ларионова точнее всего определяется самым понятием — художественное чтение. Он не прибегает к игровым, сценическим приемам — театру одного актера, как это делает С. Балашов. Он не меняет каждый раз заново образ чтеца-рассказчика, от лица которого ведется повествование, как это делает Д. Журавлев. Лирический герой Ларионова всегда остается верен самому себе.

В этом нетрудно убедиться, слушая программу Ларионова, составленную из стихотворений современных поэтов. В их числе: Н. Заболоцкий, В. Шенер, В. Луговской, Л. Мартынов, К. Ваншенкин, Е. Евтушенко и другие. Хочется от души приветствовать начина-

ние Ларионова, обращающегося не только к классическим произведениям русской и советской поэзии, но и к свежим, современным стихотворениям.

Если говорить о наибольших удачах этого цикла, то и они, как нам представляется, связаны с тем, что можно было бы назвать «драматизмом мысли». Исполнитель, видимо, чувствует потребность ухватиться за движение мысли, динамику событий, развитие сюжета. Там же, где этого нет, где исполнитель, следуя за поэтом, остается в сфере «чистой лирики», где он ограничивается передачей лирического настроения, раздумья, переживания, там слова Ларионова порою теряют свою выразительность, становятся однотонными, иногда даже несколько вялыми. Зато такие «сюжетные» стихотворения, как «Завещание» Заболоцкого, «Вещи», «Верблюд» Шенера, «Та, которую я знал», «Медведь» Луговского, «Карьера» Евтушенко, философско-афористические четверостишия Мартынова, звучат скульптурно, рельефно, становятся не только слышимыми, но как бы и видимыми. Слова живут, дышат, переливаются множеством оттенков от шутиливо-добродушных до грустно-тревожных, от мягких и задумчивых до грозных и патетических...

В теперь уже далекие времена, когда искусство художественного чтения делало свои первые профессиональные шаги, Гоголь провидел и его большое будущее и его непомерные трудности. Он писал:

«Прочсть как следует произведение лирическое — вовсе не безделица, для этого нужно долго его изучать. Нужно разделить искренно с поэтом высокое ощущение, наполнявшее его душу; нужно и душой и сердцем почувствовать всякое слово его...»

Слушатели литературных концертов В. Ларионова не могут пожаловаться на репертуарную ограниченность исполнителя. Скорее — наоборот. Кроме уже упоминавшихся, в его программах соседствуют имена В. Шекспира и В. Гроссмана, А. Пушкина и Ш. Перро, В. Гете и А. Н. Толстого, М. Горького и П. Беранже, Н. Асеева и Данте Алигieri, Э. Войнич и Г. Мопассана, Ш. Петефи и Г. Гейне, И. Бунина и Г. Андерсена. И этот список, вероятно, не является исчерпывающим. Естественно, не всем этим именам, обозначенным на афише, сопутствует одинаковый успех.

Невольно возникает вопрос: не слишком ли обширен и многолик этот перечень? По силам ли одному, даже очень талантливому исполнителю разделить искреннее и одновременно «высокое ощущение», наполнявшее души всех поименованных и непоименованных корифеев слова? Не в интересах ли самого исполнителя несколько ограничить круг читаемых авторов именами, наиболее созвучными его внутреннему мироощущению?

Тогда, быть может, на концертах В. Ларионова совсем не будут звучать произведения, прочитанные не по-ларионовски.

С. ОСОВЦОВ